

Рыцарь белого поля

повесть — притча

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

Александр Трофимов

Рыцарь белого поля

<https://litres.ru/73924161>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его герб - безоружная ладонь, его закон - совесть, а единственный вассал - усталый оруженосец, который давно не спорит. Иоанна де Заборо называют сумасшедшим, но именно он заступает за беззащитных, бросает вызов сильным и ищет дракона, чтобы увидеть правду. Только вот настоящие чудовища живут не в тёмных лесах.

Глубокая и парадоксальная притча о рыцаре, который существует вопреки времени.

Александр Трофимов

Рыцарь белого поля

Часть первая. УТРО РЫЦАРЯ

Солнце поднималось над холмом неспешно и торжественно - огромный алый шар, постепенно приобретающий золотистое сияние. Его лучи, ещё низкие и косые, вытягивали длинные тени от деревьев, а на вершине холма играли бликами, будто обливая его расплавленным мёдом. Иоанн де Заборо стоял у окна своей башни и смотрел на восток.

Башня была старая, сложенная из серого камня, который помнил ещё деда, а может, и прадеда - Иоанн не знал точно, потому что в их роду не любили записывать. Стены её были толщиной в три локтя, и в них жили ящерицы. Утром, когда солнце нагревало камень, ящерицы выползали из щелей и сидели на выступах - неподвижно, как изваяния, только горло билось часто-часто. Иоанн считал их своими. Не потому что кормил или приручал - просто привык.

За его спиной, на выщербленной каменной кладке, висел щит. Герб являл собой чистую белизну поля, а в самом центре - раскрытая ладонь. Ни хищного орла, парящего над башнями, ни карающего меча, столь привычных глазу рыцарских гербов. Этот знак дед привез из Святой Земли, из самого пекла крестового похода. Что он хотел сказать миру этой безоружной ладонью никто не удосужился спросить. А сам он

помер молча: сидел на лавке, устремив неподвижный взгляд в серый камень стены, и однажды просто перестал дышать.

- Господи, - произнёс Иоанн тихо. - Дай мне силу. Не для себя прошу.

Он всегда добавлял эту фразу: не для себя прошу. Не потому что считал себя смиренным, а потому что хорошо знал себя и понимал: для себя силы хватит.

Молитва ушла в потолок и застряла там, среди балок, где паук плёл третью сеть за неделю. Иоанн проследил за нитью - паук работал деловито, без суеты, как опытный ткач. Насекомое не сомневалось в своём праве плести. Оно просто плело. Иоанн подумал, что иногда завидует паукам - у них нет выбора между одним поступком и другим. Паук не может не плести. Человек - может.

Оруженосец его, Феодор, возился у очага. Огонь не разгорался - дрова были сырые, с вечера их принесла девка из деревни, и Феодор, принимая вязанку, забыл проверить. Теперь он дул в угли до головокружения, кремнём высекал искры, и с губ его слетали выражения, которые Иоанн предпочитал не слышать.

Феодор был невысок, квадратен, с крестьянскими руками - широкими в запястье, с въевшейся в трещины кожи землёй. Глаза у него были серые, и смотрели они на мир с тем спокойным недоверием, которое бывает у людей, привыкших, что их надежды обманывают, а опасения сбываются. Он давно решил, что удивляться - занятие для тех, у кого нет более

важных дел. Но при этом - и это Иоанн знал точно - Феодор ни разу не соврал ему и ни разу не струсил. Трус бы не остался с человеком, которого называют сумасшедшим.

- Господин, - сказал Феодор, не оборачиваясь, - ночью прибежала баба из Авалона. Мельник Рохард держит в кабале троих крестьян. Волон забрал, зерно забрал, говорит - придёт зима, детей в работники возьмёт в счёт долга.

Иоанн де Заборо не обернулся. Смотрел в окно.

- Коня, - сказал он.

- Господин. Вы вчера спать легли в третьем часу.

- Коня, Феодор.

Феодор вздохнул так, как вздыхают люди, которые давно перестали спорить, но ещё не перестали надеяться, что когда-нибудь это поможет. Он знал: если Иоанн де Заборо решил, то поедет - хоть на рассвете, хоть в полночь, хоть в лихорадке. Это было одно из тех качеств, которые Феодор уважал, не понимая.

Он вышел во двор.

Конь стоял в конюшне - пристройке, крытой соломой, которая протекала в трёх местах. Иоанн давно собирался починить, но всё не находил времени, а может, не хотел находить - дыры в крыше напоминали ему о том, что совершенство недостижимо. Коня звали Август, и он был единственным существом, кроме Феодора, с кем рыцарь разговаривал без оглядки. Август слушал. Август не спорил. Август был стар - шестнадцать лет по лошадиному счёту уже Сеньор, -

но седла не боялся.

Феодор подвёл коня к крыльцу. Рыцарь вышел - в кольчуге, в плаще, со шлемом под мышкой. Кольчуга была старая, с заплатками на локтях - Феодор сам чинил её прошлой осенью, вплетая новые кольца в прорехи. Это была долгая работа, и после неё у Феодора болели пальцы, но он не жаловался. Жаловаться - значит признать, что что-то не так. А у них всё было так. Просто так, как ни у кого другого.

Забрались в сёдла. Дорога из замка шла под уклон, мимо высохшего рва, мимо старой липы, в которую ударила молния десять лет назад, - ствол раскололся тогда надвое, но дерево выжило, и теперь обе половины тянулись в разные стороны, соединённые только корнем. Иоанн всегда смотрел на эту липу, когда проезжал мимо.

Утро было тихое. Птицы ещё не проснулись как следует - только одна, невидимая в ветвях, пробовала голос: две ноты, пауза, две ноты. Как будто спрашивала о чём-то и ждала ответа.

* * * * *

Мельница Рохарда стояла в четверти лиги от города - добротная, бревенчатая, с колесом, которое не скрипело. Рохард следил за хозяйством. Масло в оси менял каждую осень, доски перебирал, крышу крыл новой дранкой - словом, делал всё, что полагается делать рачительному хозяину. Долговые грамоты он тоже писал аккуратно - с завитушками, с восковой печатью. Буква закона его не пугала. Буква закона была

его союзником, его мечом и его щитом - и он владел ею лучше, чем рыцари владеют копьем.

Когда рыцарь въехал во двор, мельник сидел на крыльце и грыз семечки. Грыз - методично, не спеша, аккуратно складывая шелуху стопочками на перила. Жизнь Рохарда состояла из таких аккуратных стопочек. Вдова Лукерья, которая стирала ему бельё, говорила, что у мельника всё разложено по коробочкам - даже мысли. Даже совесть.

Рохард посмотрел на рыцаря без страха и без уважения, с прищуром, каким смотрят на незваных гостей люди, уверенные в своей правоте. Он знал законы. Он знал, что рыцарь без сюзерена - почти никто. Что Иоанн де Заборо - последний в роду, безземельный, без вассалов, с одной башней, которую даже воронам лень обсиживать. Всё это Рохард знал. Знал он и то, что любое знание даёт преимущество.

- Чего надо? - спросил он.

Иоанн де Заборо спешился. Шлема не снял - не из угрозы, просто в шлеме он думал лучше. Лицо закрыто, и все смотрят на тебя, а ты смотришь на всех, и никто не знает, что у тебя внутри. Это давало преимущество - маленькое, но иногда его хватало.

- Ты держишь в долговой кабале людей, - сказал он. - Отпусти их.

Рохард сплюнул шелуху. Аккуратно - мимо стопочки не попал.

- Всё по закону. Сами крест поставили, неграмотные, но

ведь знали, под чем подписываются.

- Человек, которому нечем кормить детей, не может ставить крест по своей воле. Он ставит его по воле голода.

- Философ, - сказал Рохард без злобы, почти с интересом.
- Откуда едешь-то?

- Не важно.

- А куда?

- Тоже не важно. Важно то, что сейчас. Три семьи. Отпусти их.

Рохард пожевал губами. За мельницей шумела вода - монотонно, деловито, как и всё здесь. Вода не знала, что на берегу двое решают чью-то судьбу. Воде было всё равно - она просто текла, потому что течь её природа.

- Не отпущу, - сказал Рохард. - Закон на моей стороне.

Иоанн де Заборо не пошевелился. Не потянулся к мечу. Не изменил позы. Просто смотрел - сквозь прорезь шлема, спокойно, долго. Так смотрит человек, который никуда не торопится, потому что знает: время - странная вещь. Иногда оно идёт в твою пользу просто потому, что противнику надоедает ждать.

Рохард выдержал это паузу полминуты. Потом - ещё немного. Начал было снова складывать шелуху, но пальцы дрогнули, и стопочка рассыпалась. Он собрал снова. Снова. Шелуха падала на пол.

Молчание продолжалось.

Где-то в камышах крикнула птица - резко, тревожно, и

крик её был похож на предупреждение. Но никто не знал - кому.

- Я не уеду, - произнес наконец Иоанн де Заборо. – И даже не потому, что я сильнее тебя, но потому, что если я уеду, некому будет остаться.

- Чёрт с вами, - сказал, наконец, Рохард. - Забирай своих крестьян. - И добавил тихо, в сторону, думая, что его не слышат: - Сумасшедший.

Рыцарь снова услышал это слово. Оно приклеилось к нему давным-давно, много лет назад, и с тех пор каждый встречный точно подтверждал приговор, произнесённый когда-то кем-то другим. Оно падало как тяжёлый камень в бездонный колодец, - ударялось о дно, и по глубинам его души долго расходились мутные круги. Но постепенно всё утихало, и поверхность воды вновь обретала покой, становилась прозрачной и гладкой, будто ничего и не было.

* * * * *

Возвращались молча. Феодор шёл сбоку и держался за стремя легко и невесомо, не чтобы не упасть, а чтобы чувствовать движение.

Август ступал мерно, и ритм его копыт складывался в некое подобие мелодии, которую Феодор почти слышал, но не мог ухватить - она ускользала, как ускользает имя, вертящееся на языке. Солнце поднялось высоко и теперь висело над головой, как медальон на шее у неба, - круглое, жёлтое, бессмысленно красивое. В его свете пыль, поднятая копыта-

ми, казалась золотой, и на мгновение Феодору почудилось, что они идут не по дороге, а по дну какого-то небесного моря - где нет воды, но есть свет, и этот свет держит их не хуже воды...

- Господин, - с тревогой произнёс Феодор, - я должен вам сообщить, что барон Готфрид ищет вас. Говорит, вы оскорбили его честь, когда заступились за пилигрима на дороге. Он требует поединка.

Иоанн де Заборо некоторое время ехал молча. Август переступил через корень, выпиравший поперёк дороги. Пыль оседала на плаще, на гриве, на щите с раскрытой ладонью.

- Готфрид - трус, - сказал он наконец, трус, который узнал это о себе в один страшный день и с тех пор не знает, что делать с этим знанием. Оттого и злобствует. Я пожалею его.

- И всё же требует поединка. - Феодор поёрзал в седле.

- Думает, что я не приму вызов. Или хочет чего-то другого.

- Чего же он может тогда хотеть?

- Не знаю. - Иоанн посмотрел на горизонт, где дорога уходила в холмы и терялась в мареве. - Узнаем, когда встретимся.

- Так мы едем к нему?

- Нет. Мы едем на турнир.

Феодор натянул повод. Август всхрапнул и остановился.

- На турнир? - переспросил он. - К барону Радомиру?

- Да.

- Нас не звали.

- Я знаю.

- Победитель получит в жёны его дочь Агнессу.

Иоанн обернулся. Под шлемом лица не было видно, но Феодор знал: он прищурился. Всегда прищуривался, когда слышал что-то, что ему не нравилось.

- Отдаёт дочь как приз?

- Проигрался в кости этим летом, - сказал Феодор, глядя куда-то в сторону. - Теперь разыгрывает, чтобы долг закрыть. Очень рачительный хозяин этот барон Радомир.

Иоанн ничего не ответил. Он тронул повод, и Август пошёл дальше - вверх по склону, к холмам, за которыми лежал замок барона Радомира. И замок барона Готфрида. И ещё много чего, о чём Феодор предпочитал не думать заранее.

Иоанн де Заборо некоторое время ехал молча. Дорога вилась меж полей - пшеница уже начинала желтеть, и ветер гнал по ней волны. От этого зрелища становилось хорошо и тревожно одновременно - как всегда, когда видишь что-то слишком большое для одного человека.

Дорога уходила вдаль - пыльная, разбитая телегами, с колеями, в которых застаивалась вода после ночного дождя. В одной из луж лежало отражение облака. Когда копыто Августа разбило воду, облако разлетелось на сотню осколков, но уже через минуту - Феодор оглянулся - собралось снова. Целое. Невредимое. Никуда не девшееся.

Иоанн этого не видел. Он смотрел вперёд.

Часть вторая. ТУРНИР

Замок барона Радомира стоял на холме с видом на окрестности - стоял так уверенно, что с первого взгляда казался несокрушимым. Но стоило подъехать ближе, и взгляд начал замечать подробности: ров давно высох - деньги на воду кончились ещё при отце нынешнего барона, а может, и раньше. Флаги на башнях выцвели до неразличимости, и только по краю одного ещё угадывался след алого - цвета, который когда-то был гордостью рода, а теперь напоминал о гордости, как напоминает о молодости морщина. Парадные ворота хранили следы недавней краски - синей, нанесённой щедро, но неровно, так что издали ворота казались заплатанными. Замок напоминал пожилого человека, надевшего праздничный кафтан поверх застиранной рубахи, - и человек этот стоял, расправив плечи, и улыбался гостям, и делал вид, что всё хорошо, хотя все знали, что не очень.

Иоанн и Феодор подъехали к воротам около полудня. Солнце стояло высоко, тени были короткие, резкие - такие тени бывают только в середине лета, когда мир на несколько часов замирает, раздавленный жарой, и даже собаки перестают лаять. Пыль на дороге лежала толстым слоем, и каждый шаг коня поднимал её в воздух, так что за спинами путников долго ещё висело облако - медленное, ленивое, нехотя оседающее.

У ворот толпился народ. Телеги, кони, мулы, лоточники с пирогами и квасом, мальчишки, шныряющие под но-

гами, пара нищих - один слепой, другой без руки, - расположившихся в тени стены и заведших бесконечную песню о несчастной доле, которую никто не слушал.

Турнир - это не развлечение. Турнир - это политика. Турнир говорит соседям: у нас всё хорошо. Турнир говорит должникам: мы ещё в силе. Турнир говорит самим себе то, что трудно сказать вслух, - и в этом его главное назначение. Но для простого люда турнир оставался праздником, а праздник - это пироги, драка у пивной бочки и возможность увидеть, как господа ломают друг другу кости.

Феодор оглядел толпу выражением, с которым крестьянин оглядывает чужой огород: вроде и интересно, а вроде и не его дело.

- Господин, - сказал он тихо, - смотрите, сколько народу. Если Готфрид затеет что-нибудь, свидетелей будет много.

- Хорошо, - ответил Иоанн.

- Хорошо?

- Свидетели - это хорошо. Когда есть кому смотреть, сложнее делать вид, что ничего не было.

Феодор хотел возразить, но промолчал. В конце концов, он был оруженосцем, а не советником. Советовать - значило бы признать, что господин нуждается в советах, а это было не так. Или так, но Феодор предпочитал не углубляться.

Ристалище было разбито на лугу перед замком - прямоугольник, обнесённый деревянными барьерами, крашенными в красный. Краска тоже была свежая, и на барьерах ещё

виднелись потёки - красили наспех, ночью перед турниром. С трёх сторон высились трибуны: нижние скамьи для простолоудинов, средние - для рыцарей и их дам, и верхняя лужа для хозяина, обитая тканью, которая когда-то была золотой, а теперь стала жёлтой. Над лужей висел герб Радомиров - два скрещённых колоса на голубом поле. Герб был выцветший, ткань кое-где прохудилась, и сквозь дыры виднелось небо - настоящая голубизна сквозила сквозь нарисованную, и в этом была некая насмешка, которую никто не замечал, кроме, может быть, птиц.

Барон Радомир сидел в ложе с таким видом, будто ему было неудобно: то ли кресло мало, то ли совесть жала, но, скорее всё-таки, кресло. Он поправлял подушку, ёрзал, и от этого вся его фигура казалась неустойчивой. Рядом, на деревянном стуле с прямой спинкой, сидела Агнесса.

Феодор увидел её первым.

- Господин, - тихо сказал он. - Вот эта девица.

Иоанн де Заборо посмотрел. Агнесса была некрасива в том смысле, в каком принято говорить о красоте на подобных турнирах, - без мягкости черт, без жеманства, без умения держать взгляд потупленным. Нос у неё был длинноват, губы тонковаты, а волосы - русые, без золотинки - были убраны в простую косу, перетянутую кожаным шнурком. Но у неё было другое: она сидела на своём стуле так прямо, будто не стул держал её, а она - стул. И смотрела на ристалище не как на праздник, а как на ярмарку, где товар - она сама, и

товар этот оценивают, и оценка будет выставлена публично. В лице её не было ни страха, ни надежды - только внимание.

Иоанн перевёл взгляд на барона. Тот как раз наклонился к дочери и что-то сказал - коротко, не глядя на неё. Агнесса не ответила. Только еле заметно поджала губы - движение, которое можно было принять за согласие, а можно - за что-то совсем другое.

- Поехали, - сказал рыцарь.

Они спешили у коновязи. Феодор привязал Августа к столбу - старому, изъеденному муравьями, с корой, которая отшелушивалась пластинами, - и проверил подпругу. Конь смотрел на него большим влажным глазом, в котором отражалось небо и фигурка оруженосца - маленькая, перевёрнутая.

- Стой спокойно, - сказал ему Феодор. - Стой и смотри. Ты сегодня не работаешь.

Август фыркнул и мотнул головой.

Распорядитель турнира сидел за маленьким столом у входа на ристалище - на деревянном стуле, который под ним скрипел при каждом движении. Это был человек усталый, из тех, кто за много лет работы на подобных мероприятиях научился ничему не удивляться и ничему не радоваться. У него было лицо, которое ничего не выражало, но делало это с таким усердием, что само это усилие становилось заметным. Перед ним лежал свиток - длинный, пожелтевший по краям - и чернильница с воткнутой в неё засохшей кисточкой. Чер-

нильница была медная, с крышкой на цепочке, и на боку её кто-то выцарапал неприличное слово - буквы были мелкие, убористые, почти стыдливые, будто автор и хотел высказаться, и боялся, что прочтут.

- Имя? - спросил распорядитель, не поднимая глаз от свитка. Его перо висело над строкой в ожидании.

- Иоанн де Заборо.

- Сюзерен?

Иоанн помедлил. Медлил он ровно столько, сколько нужно, чтобы слово, готовое сорваться, было взвешено и либо одобрено, либо отвергнуто. В конце концов он выбрал правду и не потому что правда была лучшим ответом, а потому что другой ответ был бы неправдой.

- Совесть.

Перо замерло. Распорядитель поднял глаза - медленно, как поднимают что-то тяжёлое. Посмотрел на рыцаря. Посмотрел на его щит. Посмотрел снова на рыцаря. На лице его ничего не отразилось - но именно это отсутствие выражения и было красноречивее всякого выражения.

- Это не ответ, - сказал он наконец.

- Это единственный честный ответ.

Распорядитель помолчал. Потом вздохнул - так вздыхает человек, который видел на своём веку достаточно чудачков, чтобы перестать им удивляться, но недостаточно, чтобы перестать записывать их в свиток.

- Как угодно, - сказал он и вывел в свитке: «Совесть».

Буквы получились кривоватые - перо скрипело, бумага была шершавой, и чернила ложились с проплешинами.

С трибун донёлся смех. Смех был добрый - в нём слышалось больше симпатии, чем насмешки. Так смеются, когда сказанное неожиданно попадает в цель. Рыцарь, назвавший своим сюзереном совесть, - это было смешно ровно до тех пор, пока не становилось понятно, что он говорит всерьёз

Иоанн не обернулся на смех. Он прошёл к барьеру, где уже готовили коня - не Августа, а турнирного, взятого напрокат у хозяина замка. Конь был серый в яблоках, с нервной шеей и глазами, в которых плясал страх. Он чуял запах крови, которой здесь ещё не было, но которая обязательно будет. Иоанн положил руку на морду коня. Конь всхрапнул, но не отдёргнулся.

- Ты тоже не хочешь здесь быть, - сказал рыцарь тихо, в самое ухо коню. - Я тебя понимаю. Я тоже не хочу. Но стоим друг за друга - и справимся.

Феодор, услышав это, покачал головой. Перекрестился - быстро, почти незаметно, как делают люди, которые не хотят, чтобы их благочестие видели. И пошёл проверять копьё.

Турнирный распорядок был обычным. Четыре заезда, победители встречаются в финале, после финала - награждение и танец. Но что-то было не так - Иоанн чувствовал это кожей, той самой частью кожи, которая умеет улавливать движение воздуха перед грозой. Готфрида не было видно. Его шатёр - чёрный с серебром - стоял у дальнего края ристали-

ща, но полог был задёрнут, и никто оттуда не выходил. Это могло означать что угодно - от простого опоздания до какого-нибудь замысла. Готфрид был не из тех, кто опаздывает случайно.

* * * * *

Первый заезд дали по сигналу трубы. Труба была медная, с вмятиной на боку, и звук её был хрипловат - казалось, она не столько трубит, сколько кашляет. Но сигнал есть сигнал.

Первым соперником Иоанна был рыцарь в чёрном - молодой, лет двадцати пяти, не больше, с копьём, которое он держал немного выше для своего роста. Доспехи его были новыми - воронёная сталь, без единой царапины, - но сидели плохо: наплечник съехал набок, нагрудник топорщился. Видно было, что доспехи ему не по мерке - может, отцовские, может, взятые в долг. Он нервничал. Конь под ним переступал с ноги на ногу, и сам рыцарь дёргал поводья, пытаясь унять эту нервность, но только усиливал её. Это была маленькая деталь, и большинство зрителей её не заметили. Иоанн заметил сразу.

Они разошлись на противоположные концы ристалища. Солнце стояло сбоку, и тени всадников и коней ложились на песок длинными тёмными языками. Трубач поднял инструмент. Пауза - та самая, в которую умещается всё: вздох, последняя мысль, короткая молитва, воспоминание о чём-то несделанном. И сигнал.

Земля загудела под копытами.

Мир сузился. Так всегда бывает в эти секунды - нет трибун, нет барона в ложе, нет флагов, нет неба. Есть только встречный всадник, его копьё и та точка, в которую он целит. Иоанн знал эту точку - малость выше середины щита. Знал и то, что туда целит каждый, кто обучен турнирному бою, и что обученный турнирному бою - ещё не воин. Воин целит туда, куда нужно, а не туда, куда принято.

Чёрный рыцарь приближался. Копьё его, взятое высоко, в последний миг опустилось - поправка, слишком поздняя, на долю дыхания. Иоанн не стал уклоняться. Он позволил копьё ударить в щит - в самый центр, именно туда, куда оно и было направлено, - но в момент удара дёрнул щитом вниз и вправо, так что копьё соскользнуло по белому полю вбок, не пробив обшивки, а лишь оцарапав её. Одновременно своё копьё он опустил точно в щит противника - туда, куда нужно бить, чтобы выбить человека из седла, а не ранить. Расчёт был точный, почти до неприличия точный, как бывает только тогда, когда делаешь что-то очень много раз.

Чёрный рыцарь вылетел из седла. Перевернулся в воздухе - мелькнули латы, плащ, беспомощно взбрыкнувшие ноги - и рухнул на песок. Лежал мгновение неподвижно, потом перекатился на бок, встал на четвереньки, потом на ноги. Поднял руку - в знак того, что цел. Забрало его было заляпано песком, из-под шлема выбилась прядь светлых волос.

Трибуны выдохнули и ответили одобрителем гулом.

Второй заезд начался через четверть часа. Солнце успело

заметно сместиться, и теперь тени легли по-другому - длиннее, косее. Второй соперник был тяжёл и опытен - немолодой рыцарь с турнирными зарубками на щите, с манерой держать копьё, выдававшей десятки подобных встреч. Он не волновался. Он работал. Каждое его движение было скупым, выверенным, лишённым суеты. Так работают мастера, которые давно поняли, что главное в ремесле - не блеснуть, а не ошибиться.

Иоанн знал его - его звали Гуго де Мортен, и он был из тех, кто живёт турнирами. Не войной - войну он не любил, слишком грязно, - а именно турнирами, где правила известны заранее, и победа зависит от мастерства, а не от случая. Гуго был беден, но честен. Лучшее сочетание для рыцаря, думал Иоанн, - и худшее для жизни.

Они встретились в центре ристалища со страшным треском. Удар был прямой - щит в щит, копьё в копьё. Гуго целил в голову - приём старый, известный ещё с прадедовских времён, - но Иоанн в последний момент привстал в стремянах, так что копьё прошло над плечом, срезав край нашлаемника. В то же мгновение он бросил корпус вперёд, добавляя веса своему удару, и его копьё ударило Гуго в основание щита - туда, откуда рука держит его, туда, где кость ключицы соединяется с мышцей, - и старый рыцарь устоял в седле почти. Его понесло боком, конь оступился, правая нога вышла из стремени - медленно, неотвратимо, как выходит из берегов река, - и дальше была только земля.

Гуго поднялся медленно. Отряхнул песок с плаща. Посмотрел на Иоанна - долго, оценивающе, - и кивнул. В этом кивке было уважение, но ещё и что-то другое - может быть, признание того, что молодость прошла, а с нею прошло и право ошибаться.

Иоанн кивнул в ответ.

Третий заезд оказался почти нелепым - настолько, что трибуны начали переглядываться. Третий рыцарь был молод, горяч и напуган, и одно не сочеталось с другим. Он взял копьё слишком поздно, разогнал коня слишком рано, и в результате потерял скорость именно тогда, когда она была нужнее всего. Его конь - гнедой, с белой проточиной на лбу, - нёсся тяжело, уже выдохшись на середине дистанции, и в момент сближения рыцарь почти висел в седле, пытаясь одновременно и удержать равновесие, и выставить копьё. Иоанн просто позволил столкновению произойти - принял удар на щит, почти не шевельнувшись, и третий рыцарь вылетел из седла сам, без видимого усилия со стороны противника, вылетел, как вылетает пробка из кувшина, когда её не держат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.